

"Фонд Робертса, говорит Скотт Галлифрей".

"Скотт. Это Вероника Миллер. Не могли бы вы спуститься в мой кабинет, пожалуйста?"

Паника почти перекрыла горло Скотта. Каким-то образом он подавился. "Конечно, мисс Миллер. Я буду там прямо сейчас".

Черт. Что я наделал? Пока он оцепенело шел по тихим, устланным коврами коридорам, он прокручивал в голове хоть какой-то намек на то, почему президент и исполнительный директор Фонда Робертса захотел поговорить с ним в пятницу днем, когда все обычные дела дня были практически завершены. Но его мозг оставался абсолютно пустым. Его неделя была благословенно свободна от чрезвычайных происшествий, даже для многонационального благотворительного фонда, занимающегося образованием людей в странах третьего мира. Ни один правитель банановой республики не закрыл ни одну из их школ, обвинив их в разращении молодежи своей страны, и не заявил, что образование, состоящее из чего-то большего, чем умение считать до десяти, неприемлемо для женщин в его измазанной грязью, кишасей змеями части света.

Он остановился перед кабинетом мисс Миллер. Дверь была закрыта, и на мгновение он подумал о том, чтобы выбежать в коридор, спуститься на лифте в гараж и поехать домой, прежде чем она откроется. К сожалению, там находилась ее секретарша, которая, несомненно, наступит на него. Он указал на стул. "Присаживайтесь, мистер Галлифрей. Мисс Миллер подойдет к вам через минуту".

"Как она сегодня?" - спросил он нервно. Он знал, что некоторые руководители следят за настроением Вероники так же внимательно, как в старину метеорологи следили за барометрами, постоянно постукивая по стеклу, чтобы убедиться, что буря не собирается.

Молодой человек одарил его холодной улыбкой. "Просто отлично, мистер Галлифрей". Он склонил голову к клавиатуре.

Дверь распахнулась. Возможно, только его воображению показалось, что она скрипнула на петлях. В проеме, очерченная голубым небом великолепного чикагского дня, стояла женщина, которая одним словом могла разрушить его карьеру, какой бы она ни была.

"Скотт. Пожалуйста, входите".

Тик тик тик тик тик тик.

Тик тик тик тик тик тик.

Тик-так-так-так.

Ногти Вероники постукивали по поверхности ее стола со стеклянной столешницей, и этот непрекращающийся ритм сводил с ума маленькие, но важные части сознания Скотта, который сидел в кресле напротив нее. Она не обращала на него внимания, сосредоточившись на экране своего компьютера. Он старался сохранить на лице выражение вежливого интереса и не показать сжимающий кишечник страх, который сковывал его мозг.

Среди обитателей Фонда Робертса она была известна как "Ледяная королева". Холодная, платиноволосая красавица с бледно-голубыми глазами и бледно-белой кожей, которая, казалось, могла смотреть сквозь вас и мгновенно понять, как вы облажались. Никто, начиная от стажеров, которые думали, что лето, проведенное в фонде, будет хорошо смотреться в их резюме, и заканчивая руководителями отделов, уверенными в своих должностях, не ожидали, что попадут в поле ее зрения.

На ней был консервативный костюм, в котором каким-то образом удалось совместить привлекательность и силу. Плотная прилегающая юбка облегла стройные линии ее ног, а белая рубашка и темный пиджак подчеркивали ее небольшой, крепкий бюст. Ее волосы были строго подстрижены, не достигая даже плеч. Когда она была в движении, знал Скотт, она напоминала длинноногого охотничьего леопарда, выискивающего в добыче хоть намек на слабость.

Наконец Вероника оторвала взгляд от монитора. "А. Мистер Галлифрей". Долгая пауза. "Как долго вы работаете в фонде?"

"Двадцать... два года, мисс Миллер. В феврале."

"Хм." Еще более долгая пауза. Изящный палец постучал по клавише. "Ну, у нас, конечно, не было жалоб на вашу работу. Хотя можно подумать, что человек, проработавший более двадцати лет в одной организации, мог бы подняться на более высокий уровень, чем вы, Скотт".

Он оборвал свой ответ, довольствуясь простым: "Да, мэм".

Приподнятая бровь была ее единственным ответом. "Скажите мне. Каково ваше семейное положение?"

Он на мгновение замешкался, застигнутый врасплох. "Я женат. Моя жена, Беверли, клинический психолог".

"Дети?"

"Трое", - ответил он, все больше и больше запутываясь. И более чем немного раздраженным, хотя и пытался это скрыть. К чему она клонит? Вероника встречалась с Беверли на нескольких рабочих мероприятиях. И она не раз спрашивала о детях. Он не думал, что стальная ловушка разума Вероники каким-то образом забыла хоть одну деталь. "Шеннон - самая старшая. Она учится на последнем курсе Чикагского университета. Анжелика и Джейсон - близнецы. Энджи и ее брат тоже учатся в школе".

"В школе?"

Его губы истончились, он устал от допроса. "Энджи учится в Северо-Западном. Джейсон - в Иллинойском университете".

Приподнятый коричневый цвет, почему-то насмешливый. "Государственная школа?"

"Это одна из лучших инженерных школ в мире", - выдохнул он. Его руки сжались на подлокотниках. "Не хочу обидеть, мисс Миллер, но вы что-то хотите сказать?"

"А. Наконец-то, немного позвоночника. Я боялась, что мне придется начать говорить гадости о вашей матери, чтобы вас задеть". Она откинулась в кресле, ее деловой костюм каким-то образом умудрялся выглядеть одновременно профессионально и вызывающе. Ее ноги были скрещены, но Скотт знал, что лучше не смотреть на ее стройные ноги. Ходили слухи, что последний человек, приударивший за Вероникой Миллер, в настоящее время преподает коррекционный английский в северокорейском тюремном лагере.

Она сцепила пальцы перед грудью. Пальцы пианистки, рассеянно подумал он, длинные и тонкие. "Я решила, мистер Галлифрей, рассказать вам об истинной цели Фонда Робертса. И вы не первый, с кем я сегодня беседую".

Он моргнул. "Что?"

Она издала крошечный вздох. "У нас две цели, я полагаю, вы можете сказать. Первая, которую видит общественность, а также большинство наших сотрудников, заключается в поощрении возможностей получения образования по всему миру. Это то, для чего вас наняли, и что вы делали в течение последних двадцати с лишним лет, с разной степенью успеха. Мы строим школы, набираем учителей, обеспечиваем инфраструктуру в тех регионах мира, которые все еще пытаются выкарабкаться из нищеты или пытаются восстановить те районы, где в результате войны целые страны превратились в изрытые снарядами пустыри.

"Но есть и истинная цель, которую скрывает наш внешний слой.

"Вы знаете историю Адама Робертса. Он умер в девятнадцати пятидесятых годах, человек невероятного богатства, один из первых миллиардеров в истории, но с отвращением к расточительной глупости человеческого существования". На мгновение ее холодный голос завибрировал от подавленной страсти. "Он пережил две мировые войны и глобальную депрессию. То, что он видел, вызывало у него тошноту. Он верил, что если бы люди были умнее, или, что еще лучше, имели более способных лидеров, мы могли бы избежать повторения ошибок прошлого. Или, может быть, вообще не совершать первоначальных, глупых ошибок.

"Положениями его завещания было создание Фонда Робертса как благотворительной организации. Его целью было, цитирую здесь, "поощрение и повышение общего интеллекта человеческой расы".

"Исполнители были несколько озадачены". Холодная улыбка пересекла ее губы. "Как можно сделать человеческую расу умнее? Как это сделать перед лицом миллионов посредственностей? Простой взгляд на статистику показывает, что это практически невозможно. С таким же успехом можно пытаться поднять уровень океана, плюнув в него".

"Ну, - сказал Скотт, когда Вероника сделала паузу, - мы, конечно, делаем что-то хорошее, не так ли? Наши школы дали образование сотням тысяч людей за последние шестьдесят лет".

Она покачала головой. "Образование - это не интеллект, Скотт, как ты прекрасно знаешь. О, - сказала она, вскидывая руку, - мы воспитали некоторых людей из невежества. И мне не стыдно сказать, что мы приложили руку к тому, чтобы найти некоторые грубые драгоценности и помочь их отполировать".

"Но человеческая раса тупа, Скотт, если смотреть на нее как на единое целое. Ты знаешь это так же хорошо, как и я. Каждый день мы видим знаменитостей с минимальным уровнем интеллекта, которых слушают тысячи бараноподобных глупцов, как будто их болтовня имеет какое-то значение, в то время как истинно знающие люди подвергаются насмешкам". Она наклонилась вперед, ее бледные глаза смотрели пристально. "Посмотрите на мир. Можете ли вы сказать, что им управляют взрослые? У нас есть страны с ядерным оружием, которыми руководят мужчины и женщины с вниманием и зрелостью малышей".

Он покачал головой, смутившись. "Даже если это правда, почему я здесь?"

"А. Наконец-то мы подошли к этому.

"В основе стремления Фонда Робертса к высшему разуму лежит программа селекции. Мы хотим объединить в пары мужчин и женщин с более высоким интеллектом и заставить их спариваться".

"Вы очень умный человек, Скотт. Жаль, что из-за вашей неуверенности в себе вы застряли на должности менеджера среднего звена. Вы могли бы подняться гораздо выше, чем сейчас, если бы потрудились приложить усилия".

"Я счастлив делать то, что делаю", - упрямо сказал он. "Вы начинаете говорить как моя жена".

Она кивнула. "Ваша жена. Беверли. Грозная женщина по своим достоинствам. Я был впечатлен ею, когда мы встречались".

"И вы родили троих замечательных детей. Любой отец мог бы гордиться вами".

"Я горжусь", - рефлексивно ответил он. Он нахмурился. "Эта... программа размножения. Вы хотите сказать, что поощряете Шеннон, Энджи и Джейсона жениться на таких же, как они?" Кислый смешок вырвался из его рта. "Удачи. Они упрямы, как стадо миссурийских мулов. Они никогда не делают ничего, чего не хотят. Если бы я принес домой пачку фотографий и попросил их выбрать себе будущих мужей или жен, они бы устроили соревнование, кто быстрее выгонит меня из дома". Он сделал паузу, раздумывая. "Ну, не Шеннон. Она слишком тихая и добродушная, чтобы сделать что-то подобное. Она бы просто вздохнула и проигнорировала меня. Но Энджи и Джейсон зажарили бы меня заживо. И Беверли бы помогла".

Вероника покачала головой со слабой, сожалеющей улыбкой. "Ты неправильно меня понял, Скотт. Мы не заинтересованы в том, чтобы ваше потомство вышло за пределы своего генофонда. Нам нужно, чтобы они были под нашим контролем".

"Ну, если они не собираются рожать ваших сверхумных детей за пределами своего генофонда, - сказал он, позволив себе роскошь сарказма, - то с кем же, черт возьми, они должны их рожать? Друг с другом?"

Затем до него дошел смысл его собственных слов, и он посмотрел на нее с чем-то близким к ужасу. "О, Боже правый. Ты имеешь в виду..."

"Да." Ее улыбка была почти жалостливой. "Разумеется, мы не афишируем это. Но когда приходит время, мы просим некоторых избранных членов Фонда Робертса заводить детей в их собственных семьях. Родители со своими отпрысками. Братья и сестры друг с другом. А также двоюродных братьев и сестер, если удача и обстоятельства позволят это сделать".

"Вы увидите, - сказала она, протягивая ему через стол кожаную папку, - что финансовые стимулы более чем щедры".

Онемев, он взял его в руки. Его глаза чуть не выскочили из головы.

"Пятьсот тысяч долларов?"

Она кивнула. "Фонд был удачлив в своих инвестициях на протяжении многих лет. И, конечно, у нас было довольно много денег для начала. Мы можем позволить себе быть щедрыми. Пятьсот тысяч за каждое здоровое живорождение, подтвержденное как потомство какой-то комбинации вас, вашей жены и ваших детей". Она наклонила голову. "Хотя мы бы предпочли, чтобы вы и Беверли воздержались от рождения детей друг от друга. Я уверена, что ваши дети и вы сами сможете занять друг друга на долгое время".

"Вы... вы сумасшедшая", - прошептал он. "Почему бы... почему бы просто не взять более умных членов фонда и не попытаться объединить их детей в пары? У вас будет больше статистических данных, и вы не нарушите кучу законов общественной морали".

Не говоря уже об опасностях близкородственного скрещивания.

"Мы пытались", - честно ответила она. "Но ваше подозрение о нежелании молодых взрослых людей вступать в отношения не по их выбору верно. У нас было очень мало успехов. И гораздо больше разводов, чем мы могли принять".

"Кроме того, всегда существовал риск, что слухи о нас разойдутся. Люди могут быть невыносимо недалеки, когда речь идет о генетических манипуляциях". Она издала звук отвращения. "Как будто люди не занимались этим с тех пор, как первые фермеры пытались вывести более крупных коров и повысить урожайность! Люди могут подумать, что мы пытаемся вывести какого-то супермена. Или еще хуже, что у нас есть какой-то злой план мирового господства".

"А мы нет?"

"Конечно, нет!" - огрызнулась она. "Мы просто хотим больше разумных людей. Боже, Скотт, неужели ты этого не видишь? У нас миллионы людей плодятся как мухи, но вся наша цивилизация держится на людях, которые могут найти свою задницу без двух рук и карты!" Вероника наклонилась вперед, все притворное бесстрашие исчезло из ее голоса. "Вы можете себе представить, что могли бы сделать люди, если бы мы, наконец, начали реализовывать свой потенциал?"

Он оглянулся на нее. Очевидно, она верила в то, что делает фонд. "Но... Боже, Вероника. Как ты можешь просить меня об этом?". Он посмотрел на фотографии в рамках на ее стенах. Четыре улыбающихся подростка украшали фотографии вместе с мужем Вероники. "Ты собираешься сделать то же самое, когда твои дети достигнут совершеннолетия? Как вы сможете это перенести?"

"О, я начала гораздо раньше тебя, Скотт". Ее улыбка была невыразимо нежной.

"А?"

"Мои родители были первыми членами Фонда. И одними из первых, кто согласился проводить

политику размножения. Мы с братом были поощрены к спариванию". Мягкий вздох вырвался из бледных губ. "Это был лучший выбор в моей жизни".

"Он понимает меня. Так, как никто другой не может. И благодаря нашему кровосмешительству у мира появилось еще четверо исключительно умных детей". Она произнесла эти слова без малейшего намека на дрожь в голосе. "Я не могу дождаться, когда Стивен, Джек, Дейдра и Маргарет достигнут совершеннолетия". Острый взгляд пронзил его. "Видите? Сохраняя это в семье, - ее губы сжались от грубой фразы, - обе стороны связаны друг с другом. У обеих есть максимальный стимул не допустить утечки информации о том, что мы делаем. Это гораздо более надежный способ, чем просто случайное соединение людей в пары и надежда, что они влюбятся друг в друга".

"Люди делали это на протяжении тысячелетий", - заметил он. "Случайные пары".

"Да. И посмотрите, к чему это привело".

"Ну, мои дети на это не пойдут. Они не любят друг друга. Большую часть дня они едва терпят друг друга. Или Беверли и меня".

Вероника откинулась назад, ее глаза были пронизательными. Одна губа подергивалась. "А сколько в этой неприязни сексуального подавления, бурлящего на самом верху, Скотт? Ваши дети умны, привлекательны и не привязаны друг к другу. Ваша жена - прекрасная женщина. Даже вы более чем приемлемы.

"Возьмите выходные, чтобы подумать об этом. Обсудите это со своей женой. И с этими вашими прекрасными, плодовитыми дочерьми. И вашим сыном. Посмотрим, что они скажут. В самом деле, возьмите отпуск и на следующей неделе. Уверена, вы найдете, чем себя занять. Или кого-нибудь, - добавила она язвительно.

Скотт встал так неожиданно, что его стул чуть не опрокинулся. "Мне нужно идти", - сказал он, почти бормоча в панике. Так быстро, что он практически бежал, он открыл дверь и вышел.

Вероника смотрела ему вслед, забавляясь. Одна сторона ее рта дернулась, когда она покачала головой. Психологическая экспертиза, которую она приказала провести Скотту в строжайшей тайне, оказалась невероятно точной. Она сделала пометку перечислить премию на счет этой женщины. Скотт отреагировал так, как она и предсказывала: за внешним ужасом скрывался внутренний интерес.

Ее улыбка усилилась, когда она заметила, что Скотт забыл в спешке. Или, скорее, что он взял. Кожаный переплет исчез с ее стола, его подхватил молодой человек, когда убежал. Ее глаза затуманились, вспомнив похожий разговор, который произошел между ее родителями, ею самой и ее младшим братом почти двадцать пять лет назад.

Она открыла файл на своем компьютере.

Галлифрей, Скотт Дж.

Предложение временно принято.

Брачный статус: Будет определено

Он уже сидел в машине, когда обнаружил, что все еще держит в руке скоросшиватель. Со вздохом отвращения он бросил его на пассажирское сиденье. Он решил, что в понедельник подбросит его в офис Вероники и отправит ей вежливое электронное письмо с благодарностью, но без благодарности.

Он приехал домой почти через два часа, уставший, напряженный и расстроенный после того, как ему пришлось бороться с чикагскими пробками до западных пригородов. Половина города, казалось, бежала от городской суеты, чтобы провести выходные на берегу озера Мичиган, либо в штате Висконсин, либо в штате Мичиган. Произошло четыре отдельные аварии, когда поспешность людей перевесила осторожность, в результате чего пробки растянулись на многие мили. Он въехал на подъездную дорожку и увидел, что машина Беверли уже там, вместе с детьми.

"Я дома", - сказал он, входя в дом.

"Привет, папа", - сказала Анжелика, помахав ему рукой из кухни. "Мама наверху, переодевается. Ужин будет готов через несколько минут".

"Хорошо." Одним из новых правил этого лета было то, что дети должны были позаботиться о вечерней трапезе. Они с Беверли оба были безразличными поварами, и ни один из них не хотел готовить еду для семьи из пяти человек, особенно после того, как привык к тому, что дом был предоставлен самому себе, пока дети были в школе. "Что мы будем есть?"

"Пиццу", - ответила она несколько виновато.

"Замороженная пицца", - добавил Джейсон, входя из семейной комнаты. Он посмотрел на Энджи. "Я собирался приготовить гамбургеры на гриле, но кто-то забыл достать мясо из морозилки, пока я был на работе".

"Я была занята", - запротестовала она. "Папочка, правда, я..."

"Я не хочу этого слышать", - перебил он. Боже правый, он не мог вынести еще одну ночь, когда

эти двое переругивались друг с другом. "Я пойду наверх переодеться. Кричи, когда пицца будет готова".

"Привет", - сказал он, открывая дверь своей спальни.

"Сам привет", - сказала его жена, одарив его короткой, рассеянной улыбкой.

Доктор Беверли Галлифрей сохранила большую часть той красоты, которая привлекла его в ней, когда они встретились в доме общего друга более двадцати лет назад. Стройная, с прямой осанкой и грацией танцовщицы, она стояла у туалетного столика в спальне в трусиках и бюстгалтере, снимая бриллиантовые серьги. Ее кожа была безупречной, а живот, несмотря на тяжелые испытания, связанные с рождением троих детей, был упругим и подтянутым. Ее волосы, глубокого, насыщенного коричневого цвета, не имели и намека на седину. К его одобрению, она снова позволила им отрасти, и тонкие шелковистые пряди теперь достигали ниже плеч. Ее глаза были притягательного бронзово-карего цвета, устрашающе пристальные, когда они полностью сосредотачивались на человеке.

Он скользнул к ней сзади, его руки обхватили ее. Он поцеловал одну лопатку, его глаза смотрели вниз по ее груди, на упругие выпуклости ее груди, обтянутых атласным бюстгалтером бледно-зеленого цвета. "Ты хорошо пахнешь", - сказал он. "Хочешь заняться любовью сегодня вечером?"

Она слегка напряглась, и он закрыл глаза в немой обиде. "Может быть", - сказала она, выскользнув из его объятий.

Что означает "нет", - с горечью подумал он.

"Как работа?" - спросила она, меняя тему, открывая ящик стола в поисках выходной одежды.

Ну, мой босс предложил тебе переспать с нашим сыном и забеременеть, чтобы мы могли повысить коллективный IQ Соединенных Штатов на бесконечно малую величину, - он не договорил. "Хорошо. Немного странно в конце дня", - нашел он слова в своем рту, когда стянул джинсы, надетые в "Casual Friday", и натянул пару шорт и удобную футболку. "У меня было интервью с Вероникой Миллер".

<http://erolate.com/book/2580/62371>